

№ 1. - С.256 - 263.

14. Могильний А.П. Культура і особистість: Монографія /А.П. Могильний - К.: Вища шк., 2002. - 303с.
15. Основы философии культуры: Словник. /Н.Г. Джинчарадзе, М.А. Ожеван, А.В. Толстоухов та ін. – К.: Знання України, 2004. – 245с.
16. Парсонс Т. Очерк социальной системы// О социальных системах /Т. Парсонс - М., Издательство «Академический проект», 2002. – С.545-687.
17. Підлісний М.М., Шубін В.І. Цінності та буття особистості: Монографія./М.М. Підлісний, В.І. Шубін – Дніпропетровськ, ДДФА, 2005. –128с.
18. Проблема людини в сучасній філософії: Монографія /За ред. д-ра філос. наук, проф. Л.М. Нікітіна /Донец. нац. ун-т економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського. – Донецьк: ДонНУЕТ, 2008. – 219с.
19. Шкепу М.О. Деякі методологічні проблеми сучасного осмислення культури /М.О. Шкепу //Вісн. Держ. акад. керів. кадрів культури і мистецтв – 2007. – №2. – С. 11– 16. – Бібліогр. : 11 назв.
20. Talcott Parsons. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T.Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966, p.5 - 29.

Пулария Т.В.

УДК 130.2

АРХЕТИП: К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИЙ В КУЛЬТУРОЛОГИИ

Культурология, как известно, – наука молодая, формирующаяся на стыке многих наук: философии культуры, социальной и культурной антропологии, этнологии, семиотики, филологии и др. Её понятийно-категориальный аппарат зародился в лоне философии, являющейся методологией культурологического знания. Однако, как любая наука, пытающаяся очертить предметное поле своих исследований, культурология стремится сделать это, часто наполняя существующие понятия новым смыслом. Всегда ли это оправдано?

Объектом нашего исследования в предложенном дискурсе стало понятие «архетип», предметом – его современное семантическое наполнение в различных гуманитарных науках и, в первую очередь, в культурологии. Цель статьи – проанализировать целесообразность широко распространенного расширительного толкования термина «архетип» в отечественной и российской культурологической практике.

Не ставя целью рассмотреть понятие «архетип» в его диахронических трансформациях и парадигмальных модификациях, мы будем опираться в своем анализе на концепцию архетипа, которая нашла свое теоретическое обоснование в аналитической психологии швейцарского психолога К. Г. Юнга (1875 - 1961) и именно в его интерпретации обрела эвристическую ценность. Теория Юнга имела свои философские корни, восходящие к интеллектуальной культуре античности, к понятию «эйдосов» Платона (ок. 427 – 347 гг. до н. э.) - первоначальных идей, первообразов божественного происхождения, которым пытаются подражать все вещи реального мира. Определенное влияние на Юнга оказали труды Цицерона, Плиния, «Corpus Hermeticum», а также платонистические традиции раннехристианского богословия (Августин Блаженный, Дионисий Ареопагит и Филон Александрийский). При этом научно-философским фоном служили суждения Ф. Ницше, Ф. Боаса, А. Бастиана, З. Фрейда.

Будучи учеником Фрейда, Юнг не принял пансексуальную трактовку психической энергии, лежащую в основе фрейдовской теории бессознательного. Наряду с «личностным бессознательным», основу которого составляют вытесненные из сознания представления – «комплексы», Юнг обнаружил присутствие в психике человека «коллективного бессознательного» - «второй психической системы, по характеру своему коллективной» [17, с. 13], универсальной и безличной, идентичной у всех индивидов. В отличие от «личностного бессознательного», развивающегося индивидуально, «коллективное бессознательное» обладает свойством наследования и состоит из «пресуществующих форм - архетипов, которые только вторично могут стать сознательными и которые придают содержаниям сознания твердо очерченные формы» [17, с. 13]. Юнг неоднократно подчеркивал, что постоянные формы психики, именуемые им архетипами, являются общепризнанными и встречаются в других областях знаний: «Мифологическое исследование называет их "мотивом"; в психологии примитивов они соответствуют понятию «representations collectives», введенному Леви-Брюлем; в области сравнительного религиоведения они были определены Юбером и Моссом как «категория имажинации». Адольф Бастиан уже давным-давно охарактеризовал их как "элементарные мысли" или "прамысли" [17, с. 12].

К. Г. Юнг определял архетипы как «априорные структурные формы инстинктивного фундамента сознания», «существующие прежде сознания и обуславливающие его» [16, с. 294].

Рассматривая архетип как смыслообразующую форму, внеисторическую, внеэтническую, внеценностную по своей сути, Юнг обращал внимание на способность архетипов к самовыражению в качестве «культурных символов» - «важных составляющих нашего ментального устройства» [15, с.60]. «Культурные символы», по Юнгу, - «жизненные силы в построении человеческого образа» [15, с.60]. Они несут в себе заряд огромной психической энергии, которая при ее попытке подавления или игнорирования уходит в глубоко бессознательные сферы и может вести себя непредсказуемо. Подчеркивая мысль о «взаимозаменяемости» архетипических форм, Юнг акцентировал внимание на главной ценности

«архетипического события» - «сакральности (нуминозности)» [15, с.62]. Архетипы, согласно Юнгу, - это одновременно образы и эмоции [14, с. 95], следовательно, информационно-энергетические структуры.

В одной из последних своих работ – «Поздние мысли» - Юнг подчеркивает как важный результат эмпирической психологии мысль об энергетическом понимании души: «Все высказывания, какие вообще мыслимы, возникают в душе. Они возникают, между прочим как динамический процесс, происходящий на основе противоречивости души и ее содержаний и представляют собой разряд между ее полюсами» [16, с. 297]. «Душа не может прыгнуть выше самой себя, т.е. не может устанавливать какие-либо абсолютные истины; ибо ее собственная полярность обуславливает релятивность ее высказываний. <...>В своей односторонности душа разрушает самое себя и утрачивает способность познавать» [16, с. 298]. Юнг выдвигает постулат о том, что «феномен архетипического вида – т.е. данность более тонкая, нежели психическая, - основан на существовании некоего психического базиса, т.е. лишь обусловленного психически, но принадлежащего соответственно к иной форме существования». Такие формы существования «обычно называют «духовными»» [16, с. 299]. Эта мысль Юнга особенно важна для понимания природы архетипа как потенциала духовного развития человека, способствующего сохранению его не только как земного биологического вида, но и как вида высшего духовного порядка.

Современное осмысление понятия «архетип» в гуманитарных науках привело к расширительному его толкованию. Это отчасти можно объяснить трансформацией семантического наполнения термина от античности до наших дней, отсутствием в мировой науке общепринятой теории архетипа, единой точки зрения на генезис и развитие этого феномена, четкой научной формулировки данного понятия в архетипической теории К. Г. Юнга, что вполне объяснимо иррациональной природой архетипа. Понятие «архетип» стало отождествляться с понятиями «архетипический образ», «архетипический мотив», «символ», «тема», «замысел». По точному замечанию российских исследователей А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, «слово «архетип», не приобретя строгих понятийно-терминологических границ, стало сплошь и рядом использоваться для номинации не самих инвариантных трансцендентных структур ментальности и культуры, а их частных и статичных значений» [11, с. 80 – 81]. Разделяя концептуальную мысль Юнга о трансцендентности архетипов по отношению ко всяким конечным и единичным опосредованиям, благодаря которой они «выступают параллельно и эйдетическими первоосновами мироздания, и фундаментальными структурами психики» [11, с. 78], исследователи справедливо обращают внимание на участвовавшее некорректное использование юнговского термина. Отчасти по этой причине авторы монографии «Культура как система», предпринимая попытку создания собственной методологии культуры, вводят для обозначения универсалий, «обеспечивающих структурный изоморфизм ментальности и культуры», специальный термин – «первотектон». «Первотектоны - это смыслообразовательные интенции человеческой ментальности, всякий раз включающиеся в ситуации полагания дуальных субъектно-объектных отношений» [11, с. 82]. «Эта отправная точка культуругенеза - абсолютный максимум синкрезиса, где первичная нерасчлененность таит в себе весь космос потенциальных смысловых возможностей. Дробясь и расслаиваясь в процессе реализации этих смысловых возможностей в феноменологии культуры, синкрезис постоянно воспроизводится на базе достигнутого синтеза предшествующих расчленений» [11, с. 90]. Авторы термина «первотектон» обращают внимание на то, что он отчасти корреспондирует с юнговским «архетипом». Однако в культурологии данный термин пока еще не стал востребован.

Попытка отечественных философов создать новые категории для обозначения универсалий культуры, близких к понятию «архетип», нашла свое отражение в концепте «категорії граничних підставин», введенного в научный оборот более двадцати лет назад. Сущность этого концепта наиболее полно раскрывается в коллективной монографии «Універсальні виміри української культури» (2000). Автор концепции универсалий культуры А. С. Кирилюк [3] предлагает в основе сравнительного анализа различных типов культур рассматривать базисные структуры - «категории предельных оснований» («категорії граничних підставин», «КГП») – рождение, жизнь, смерть и бессмертие. В рамках культуры они выступают соответственно как генетическая, витальная, смертная и бессмертная универсалии культуры и могут быть представлены мировоззренческими «кодами» культурного сознания: алиментарным, эротическим, агрессивным и информационным в разных комбинациях. Важным структурным элементом при этом являются различные уровни мироотношения: предметно-практический, обрядово-ритуальный, духовно-практический и теоретический. «Категорії граничних підставин» выступают как инвариантные составляющие элементы в философских, литературно-художественных, эпических, поэтических, религиозных и мифологических текстах украинской и мировой культуры, в методологическом аппарате и в разнообразных феноменах отечественной культуры. По словам А. С. Кирилюка, «можно твердити, що інваріанти, котрі лежать в основі будь-якої, у тому числі і культурної свідомості, мають: 1) ціннісно-концептуальну (Абсолют) та 2) змістовно-понятійну, а саме: 2.1) символічно-образну (Дім, Поле, Храм), 2.2) епістемо-етично-естетичну (Істина, софійність, Добро, Декалог, Серце, Краса) та 2.3) предметно-практичну (економіка та політика) форми прояву» [4, с. 25]. Каждый из этих инвариантов вмещает универсально-культурное содержание. Экспликация этого содержания, по мнению А. С. Кирилюка, даст возможность лучше понять в том числе и процессы политического мифотворчества на современном этапе развития Украины, так как в основе любого мифотворчества лежит «КГП-комплекс» «світоглядної свідомості на різних рівнях її функціонування» [4, с. 25].

Термин «КГП» также пока не нашел широкого употребления в науке. Все же понятие «архетип», связывающее культуру с психоментальными структурами, оказывается более универсальным. Однако в

современной отечественной философской мысли это понятие не нашло еще должной теоретической рефлексии, и поэтому употребление его носит различную семантическую окраску, в зависимости от той области знаний, в которой оно используется.

Наиболее часто понятие «архетип» встречается в следующих значениях:

1) «праобраз», «прототип», «базовое основание системы», «базовая модель», «идеал»: «архетипы українського села», «архетип української правової свідомості», «архетип України», «архетипи семьи и брака», «архетипи корпоративної культури»;

2) «мифологический мотив»: «архетип братовбивства»;

3) «образ-символ»: «архетип місяця», «архетип дерева життя», «архетипи української міфологічної свідомості», «архетип Тараса Бульби», «архетип Різдва», «архетип Софії» «архетип Природи», «архетип серця», «архетип Слова», «архетип майдану»;

4) исторически сложившиеся, социально и психологически обусловленные «духовные универсалии», «универсалии культуры», «глубинные ценностные установки», «мировоззренческие представления», «типическое в культуре», «символический код»: «архетипи народного світогляду», «архетипи етнокультури», «архетипи етносвідомості», «етноархетипи», «національні архетипи», «архетипи української ментальності», «архетип етичної цінності вільної особистості», «архетип софійності», «архетип «філософії серця», «кордоцентризм як архетип української культури», «архетип як акумуляція соціального досвіду», «архетипи соціального життя», «соціетальний архетип», «соціальний архетип», «архетипи політичного несвідомого та соціетальної психіки».

Очевидно, что перечисленные семантические значения содержат либо конкретный образ, либо форму, принцип или установку, что противоречит сущности архетипов, которые, согласно К. Г. Юнгу, являются «формой без содержания» и «представляют только лишь возможность определенного типа воззрений и поступков» [17, с. 18].

Не всегда корректное толкование понятия «архетип» находим в существующей культурологической справочной литературе. Так, в терминологическом словаре автора-составителя В. И. Антофийчука «архетип» толкуется довольно ограниченно: как «несвідома форма сприйняття фундаментальних структур суспільного життя: любові, насилля, праці, щастя» [8, с. 20]. При этом смысл концепта в юнговской теории – «структурні елементи колективного несвідомого» - рассматривается отдельно, как нечто иное. В культурологическом словаре-справочнике З. В. Гиптерс понятие «архетип» тождественно универсальным образам и символам, «які притаманні колективній свідомості і які зумовлюють індивідуальні спроби почуттів та мислення щодо конкретних об'єктів або ситуацій» [2, с. 36].

Понятно, что в отсутствие столь необходимого отечественного академического культурологического словаря, терминологические словари-справочники в качестве учебных пособий для студентов вузов оказываются крайне востребованными. Однако представленные в них различные толкования терминов свидетельствуют о становлении понятийно-категориального аппарата в науке на сегодняшний день. Это касается и термина «архетип». Используя его в расширительном значении, на наш взгляд, мы рискуем утратить то, глубинное, значение, которое придавал ему К. Г. Юнг – связь сознания с духовными структурами через бессознательное, другими словами - связующее звено между высшим духовным миром и человеческим миром культуры. Определяя архетипы как априорные структурные формы инстинктивной основы сознания, существующие в глубинах коллективного бессознательного, Юнг обращал внимание на особенности их символического воплощения в мифах и сказках культур Запада и Востока, а также их функционирование в индивидуальном и коллективном сознании. При этом Юнг не ставил перед собой задачу исследования факторов, влияющих на репрезентацию архетипов в различных культурах народов мира, подчеркивая синхронный характер взаимодействия бессознательного и сознательного. Эту задачу ставят перед собой современные российские и отечественные культурологи, философы, историки, этнологи, этнопсихологи. И обусловлена она, в первую очередь, стремлением к пробуждению национального самосознания как важного фактора на пути к укреплению государственности, поисками единой национальной идеи, которая бы объединила народ, пробудила бы в нем героизм, вдохновила бы на подвижничество. Поиски духовной концепции национального самосознания неизменно ведут к выявлению истоков формирования этнокультурных особенностей, их уникального символического воплощения в культуре. Отсюда широкое распространение таких понятий как «национальные архетипы», «этнические архетипы». Обращает на себя внимание тот факт, что интенции этнокультурного развития, отраженные в частных семантических и семиотических формах, часто вырастают до размеров архетипов, оставаясь по сути репрезентациями архетипов в той или иной культуре. В этой связи спорной представляется целесообразность использования термина «культурный архетип», теоретически закрепившегося в российской и неоднократно упоминаемого в отечественной культурфилософской мысли. Вызывает сомнение сама формулировка «культурный архетип». Коль К. Г. Юнгом была доказана неоспоримая связь «архетипа» с генезисом и развитием культуры, термин «культурный архетип» приобретает тавтологическое звучание.

Следует отметить, что в отечественных исследованиях наблюдается тенденция к отказу от использования данного термина, а в украинской справочной литературе он вообще отсутствует. Показательным является и сам процесс изменения отношения к термину. Так, в статье академика С. Б. Крымского «Культурные архетипы, или Знание до познания» (1991) [7] обозначенный термин вынесен в заголовок, но в тексте статьи не используется. Понятие «архетип» связывается с «символическим переживанием запредельного и интуитивного, которое не исключает рационализации в психических формах сознания и понятиях физической картины мира» [7, с. 75]. В исследовании С. Б. Крымского «Архетипы

української культури» (1996) [5], как и в его недавно вышедшей монографии «Під сигнатурою Софії» (2008) [6], термин «культурный архетип» отсутствует. Однако понятие «национальных» и «этнических» архетипов используется широко, о чем говорилось выше.

В российском энциклопедическом издании «Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1» (1998) «культурные архетипы» рассматриваются как «базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни», «спонтанно действующие устойчивые структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта», явленные в сознании «в процессе систематизации и схематизации культурного опыта» «как архетипические образы, изобразительные черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации» [9, с. 38]. Иерархически делятся на универсальные и этнокультурные. Универсальные «культурные архетипы» «обеспечивают преемственность и единство общекультурного развития». «Этнокультурные» архетипы – «константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной целостности» [9, с. 38]. «Культурные архетипы» обладают способностью проявляться диахронически и синхронически в мифологических образах, религиозных учениях, национальных идеалах и т. п. «Этнокультурные архетипы» есть «результат превращения этнической истории в базовые модели этнического культурного опыта» [9, с. 39]. Здесь история выступает неким временным фильтром, благодаря которому и формируется базовая культурная модель этноса.

Есть и другая точка зрения, согласно которой «в каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и исторической судьбы народа» (А. И. Рёдель), а не наоборот [12].

Данная трактовка «культурного архетипа» близка представленной в учебном пособии «Культурология» под редакцией Г. В. Драча. Автор раздела «Русский культурный архетип» А. В. Лубский определяет культурные архетипы как «архаические культурные первообразы, представления-символы о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей, «проросшие» через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры» [10, с. 438]. «Культурные архетипы» обеспечивают сохранность культурного генотипа этноса. Изучать их можно путем реконструкции влияния на их формирование окружающей реальности - географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной, культурной и т. п. А. В. Лубский рассматривает факторы, оказавшие влияние на становление «русского культурного архетипа», - православие, тип социальных связей («общинно-демократический»), тип культуры («соборно-нравственный»), географическая среда («суровая природа евразийского континента»), российская государственность, ключевые ценности («совесть, ответственность, свобода, справедливость» и др.) [10, с. 440 - 467].

Как видим, сущность концепта «культурный архетип» противоречит юнговскому пониманию архетипа и ставит новую проблему для гуманитариев – психологов, этнографов, историков, лингвистов и др.: как соотносятся унаследованные генетические образцы поведения, восприятия, воображения, воспринимаемыми посредством культурно-исторической памяти. Возможно, это есть разные формы одного механизма.

Концепцию «культурных архетипов» можно соотнести с оригинальной теорией «национальных образов мира» российского филолога и культуролога Г. Д. Гачева. Согласно этой теории, «всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, склада психики и мышления» [1, с. 9]. Особенности национального образа Единой материальной Вселенной (Космос) или Духа (Логос) зависят от «особого сочетания перво-стихий – земли, воды, воздуха, огня, – которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове» [1, с. 33]. «...В ядре своем каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и прочее, ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [1, с. 22]. «Национальный образ мира есть диктат национальной Природы в Культуре» [1, с. 23]. «Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнительности; Общество и История призваны восполнить то, чего не даровано стране от природы» [1, с. 9 - 10]. Для познания «национального образа мира», по мнению Г. Д. Гачева, необходима своя методика, свой метаязык, который позволит прочесть и расшифровать составляющие национальной культуры каждого народа. Это «древний натурфилософский язык ЧЕТЫРЕХ СТИХИЙ: «земля», «вода», «воз-дух», «огонь» [1, с. 4]. Понимаемые символически, они являют как бы «морфологию» языка, а его «синтаксис» – это Эрос («Любовь-Вражда» Эмпедокла, «притяжение-отталкивание» науки) [1, с. 23]. В этом заключается и особая гносеология Гачева – «КОСМОСОФИЯ», по его определению, – подключающая как рационалистическое, так и образное мышление.

«Национальные образы мира» Г. Д. Гачева по сути есть репрезентантами архетипов в той или иной этнической культуре, а развитая автором методология может быть применима к воссозданию ментальности любой этнической группы.

Итак, анализ современного семантического наполнения понятия «архетип» в гуманитарных науках, и прежде всего, в культурологии, позволяет сделать вывод о расширительном его толковании, за которым, на наш взгляд, теряется очень важная – «трансцендентная» – функция архетипа, как ее выделял К. Г. Юнг, проявляющаяся в согласном действии сознания и бессознательного, «созидании и развертывании изначальной потенциальной целостности», «осуществлении изначальной, заложенной в эмбриональном зародыше, личности во всех ее аспектах» [13, с. 239–240]. Кроме того, затеняется синхронный и амбивалентный характер проявления архетипа. Думается, что в период становления понятийно-

категориального аппарата, культурология, как метанаука, должна синтезировать данные, полученные конкретными гуманитарными науками, осуществляя методологическую рефлексию на уровне философии культуры.

Источники и литература

1. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос : Национальные образы мира / Гачев Георгий Дмитриевич. – М. : Академический Проект, 2007. – 511 с. – (Технологии культуры).
2. Гіптерс З. В. Культурологічний словник-довідник / Гіптерс З. В. – К. : ВД «Професіонал», 2006. – 328 с.
3. Кирилюк О. С. Концептуально-методологічні засади пошуку універсальних вимірів культури (замість Вступу) // Універсальні виміри української культури / НАН України. Укр. філософ. фонд. Центр гуманіт. освіти. Одеська філія / [Кирилюк О. С., Горський В. С., Парахонський Б. О. та ін.] / Олександр Кирилюк. – Одеса : Друк, 2000. – С.С. 6 – 15.
4. Кирилюк О. С. Універсально-культурні структури міфологічних підвалин масової політичної свідомості // Універсальні виміри української культури / НАН України. Укр. філософ. фонд. Центр гуманіт. освіти. Одеська філія / [Кирилюк О. С., Горський В. С., Парахонський Б. О. та ін.] / Олександр Кирилюк. – Одеса : Друк, 2000. – С.С. 24 – 38.
5. Кримський С. Б. Архетипи української культури // Феномен української культури: методологічні засади осмислення: зб. наук. праць / НАН України, Ін-т філософії, Міністерство України у справах національностей та міграції / відп. ред.: В. І. Шинкарук, С. К. Бистрицький / С. Б. Кримський. – К. : Фенікс, 1996. – С. 91–112.
6. Кримський С. Б. Під сигнатурою Софії / Кримський Сергій Борисович. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. – 367 с.
7. Крымский С. Б. Культурные архетипы, или Знание до познания / С. Б. Крымский // Природа. – 1991. – № 11. – С. 70–75.
8. Культурология. Термінологічний словник : Навчальний посібник / [авт.-уклад. Антофійчук В. І.]. – 2-ге вид., випр. і допов. – Чернівці : Книги – ХХІ, 2007. – 160 с.
9. Культурология. XX век. Энциклопедия / [глав. ред., состав. и автор проекта С. Я. Левит]. – СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998 – Т. 1. – 1998. – 447 с.
10. Культурология : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / [Драч Г. В., Борцов Ю. С., Давидович В. Е. и др.] ; под научн. ред. д.ф.н., проф. Г.В. Драча. - [5-е изд., доп. и перер.]. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 576 с.
11. Пелипенко А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : «Языки русской культуры», 1998. – 376 с. – (Язык. Семиотика. Культура)
12. Рёдель А. И. Духовность – основа российского менталитета. К вопросу о социокультурных предпосылках модернизации российского общества. [Электронный ресурс] / А. И. Рёдель. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 178 с. – Режим доступа: <http://rusology.narod.ru/ru00/47.htm>
13. Юнг К. Г. Архетипы коллективного бессознательного / К. Г. Юнг; [пер. с нем. Т. А. Ребеко] // Структура психики и архетипы / Карл Густав Юнг. – М. : Академический Проект, 2007. – (Психологические технологии). – С. 217 – 242.
14. Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Человек и его символы / [Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л. и др.] ; под общ. ред. С.Н. Сиренко / Карл Густав Юнг; [пер. с нем. Сиренко С.Н.]. – М. : Серебряные нити, 1977. – С. 13–102.
15. Юнг К. Г. Подход к бессознательному / К. Г. Юнг; [пер. с нем. В. В. Зеленского] // Архетип и символ / Карл Густав Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с. – (Серия: Страницы мировой философии).
16. Юнг К. Г. Поздние мысли / К. Г. Юнг; [пер. с нем. А. Темчина] // Юнг К. Г. – М. : Ренессанс, 1992– . – (Собрание сочинений : В 19 т. / Карл Густав Юнг; т. 15 : Феномен духа в искусстве и науке).
17. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного / К. Г. Юнг; [пер. с нем. Т. А. Ребеко] // Структура психики и архетипы / Карл Густав Юнг. – М.: Академический Проект, 2007. – (Психологические технологии). – С. 12 – 23.